

Исторія одного словаря.

(По неизданнымъ архивнымъ даннымъ)¹⁾.

Небывшая, но обычная въ нашей русской дѣйствительности исторія, характеризующая наше отношеніе къ тѣмъ культурнымъ одиночкамъ, которыя время отъ времени появляются даже въ глухой провинціи.

Безусловно такимъ культурнымъ работникомъ былъ губернской секретарь Александръ Муштаевъ, служившій въ городѣ Оренбургѣ во время генераль-губернатора Александра Андреевича Катенина. Біографическихъ данныхъ о Муштаевѣ мнѣ, несмотря на самыя тщательныя розыски, не удалось найти—онѣ безслѣдно исчезли, можно высказать предположеніе, которое отчасти подтверждается письмомъ В. Григорьева, помѣщеннымъ ниже, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, Муштаевъ былъ крещеный башкиръ, воспитывавшійся въ восточномъ отдѣленіи Неплюевского военнаго училища, а затѣмъ служившій въ канцеляріи губернатора. Во время службы Муштаевъ обратилъ вниманіе на ту аномалію по существу, но которая, у насъ въ Россіи, считалась вполне нормальнымъ явленіемъ, а именно, что на окраины, гдѣ жили инородцы, посылались чиновники, владѣющіе только русскимъ языкомъ, поэтому сношенія ихъ съ жителями были затруднены и могли вестись лишь при помощи переводчиковъ. Но на восточной окраинѣ, въ Оренбургѣ, было еще

¹⁾ Матеріаломъ служили два дѣла архива Оренбургской архивной комиссіи по отдѣлу граждан., первое отъ 20 сентября 1857 г. на 22 листахъ, второе начато 7 мая 1869 г. и закончено 18 марта 1872 г. на 28 листахъ. Дѣла публикуются впервые.

одно затрудненіе—почти не существовало печатныхъ пособій для сношеній, не было даже приличнаго словаря татарскаго языка.

И Муштаевъ—быть можетъ, онъ исполнялъ обязанность переводчика—рѣшилъ пополнить этотъ пропускъ, составить словарь, или, какъ выражался онъ самъ въ своемъ прошеніи къ генераль-губернатору, „предпринять на себя этотъ немаловажный трудъ“. Но такъ какъ въ Оренбургѣ въ то время—конецъ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія—не существовало библіотеки, у самого Муштаева не было средствъ, то онъ просилъ выписать на казенный счетъ рядъ пособій и разрѣшить ему, опять же на казенный счетъ, командировку въ Петербургъ, чтобы посоветоваться съ профессорами Восточнаго факультета Петербургскаго университета.

Генераль-губернаторъ А. А. Катенинъ—извѣстный, какъ просвѣщенный, гуманный человѣкъ—благосклонно взглянулъ на эту просьбу и разрѣшилъ ее выполнить. Изъ Петербурга изъ магазина Исакова были выписаны на 100 руб. 75 коп. пособія—именно: 1) Троянскій, Татарскій словарь, 2) Болдыревъ, Персидскій словарь, 3) Академическій словарь, 4) Bianchi Dictionnaire Fr. - Turc. 5) Kazimirsky Dictionnaire Arabe - Français, кромѣ того Муштаеву выдано 229 руб. 91 коп.—весь расходъ такимъ образомъ выразился въ 330 руб. 66 коп.—на прогоны и довольствіе во время командировки.

На этомъ дѣло и закончилось. Катенинъ умеръ, его преемникъ генераль Безакъ былъ занятъ иными начинаніями, и о работѣ Муштаева вполнѣ основательно забыли. И всплыла она совершенно случайно черезъ 12 лѣтъ, въ 1869 году. Оказалось, что Муштаевъ закончилъ свою работу сравнительно скоро—командировку онъ получилъ въ 1857 году, а въ 1860 г. представилъ—въ цензурный комитетъ въ Казани свою рукопись,—цензура разрѣшила ее, но дальнѣйшія хлопоты по изданію предпринять не могъ, по весьма уважительной причинѣ: за смертью, и рукопись его хранилась у его вдовы, которая успѣла выйти замужъ и переѣхать изъ Оренбурга въ Верхнеуральскъ. Здѣсь съ ней совершенно случайно встрѣтился чиновникъ особыхъ порученій генераль-губернатора, узналъ про рукопись—и причина неизвѣстна, быть можетъ, соболѣзнуя бѣдственному положенію вдовы Муштаевой, а быть можетъ, желая спасти солидный трудъ—посоветовалъ вдовѣ обратиться съ прошеніемъ къ новому генераль-губернатору Крыжановскому, который поощрялъ всѣ подобныя начинанія. Черновикъ прошенія былъ написанъ самимъ чиновникомъ, вдова переписала его и вмѣстѣ съ рукописью мужа отправила къ Крыжановскому. Послѣдній переслалъ этотъ словарь извѣстному оріенталисту В. В. Григорьеву,

который когда-то служилъ въ Оренбургскомъ краѣ и, быть можетъ, зналъ и помнилъ Муштаева. Крыжановскій просилъ прежде всего дать отзывъ о словаряхъ, а затѣмъ посодѣйствовать, не найдеть ли возможнымъ Академія наукъ напечатать этотъ словарь.

В. Григорьевъ нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ, а въ это время вдова Муштаева, успѣвшая еще разъ овдовѣть и выйти замужъ въ третій разъ, продолжала бомбардировать генераль-губернатора прошеніями—оказать ей поддержку.

Отвѣтъ Григорьева сохранился въ подлинникѣ, и мы приводимъ его *in extenso*, полагая, что если когда-нибудь 'будетъ издана переписка В. Григорьева, это письмо можетъ войти въ собраніе его писемъ. В. В. Григорьевъ писалъ лично Крыжановскому:

Милостивый Государь Николай Андреевичъ!

Сознаю себя весьма виноватымъ передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, до сихъ поръ замедливъ отвѣтомъ на почтеннѣйшее письмо Ваше съ запросомъ о татарско-русскомъ словарѣ г-на Муштаева. Извиненіемъ для меня можетъ служить лишь то обстоятельство, что на cadaго человѣка въ Россіи, который что-нибудь знаетъ и къ чему-нибудь способенъ, наваливаютъ со всѣхъ сторонъ столько порученій, что, не имѣя возможности исполнять и десятой доли ихъ, приходится по-неволѣ быть крайне неаккуратнымъ.

Словарь, о которомъ Вашему Высокопревосходительству угодно знать мое мнѣніе—одинъ изъ лучшихъ, какіе существуютъ для татарскаго языка. Въ немъ множество словъ, которыя пропущены въ другихъ подобнаго рода сборникахъ, и всѣ вообще слова объяснены превосходно. Меня удивляетъ, до какой степени умѣлъ усвоить себѣ знаніе русскаго языка покойный Муштаевъ, будучи природнымъ башкирцемъ. Происхожденіе объясняемыхъ словъ изъ другихъ словъ показано не всегда вѣрно: многимъ монгольскимъ словамъ приписано, напримѣръ, персидское происхожденіе. Но этотъ недостатокъ, въ виду другихъ, существенныхъ достоинствъ труда г-на Муштаева, неваженъ.

Во всякомъ случаѣ словарь г-на Муштаева не настолько способствуетъ къ изученію татарскаго языка, чтобы могъ быть напечатанъ на счетъ Имп. Академіи Наукъ, которая принимаетъ на себя лишь изданія книгъ, значительно увеличивающихъ имѣющійся капиталъ знанія. Таково, по крайней мѣрѣ, мое мнѣніе. Книга Муштаева—не болѣе, какъ хорошее учебное пособіе. Въ этомъ качествѣ,

пособіе на напечатаніе ея могло бы быть скорѣе исходатайствовано изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но если бы на этотъ предметъ имѣлись въ Оренбургскомъ краѣ какія-либо мѣстныя средства, Ваше Превосходительство не потратило бы ихъ напрасно, издавъ книгу г-на Муштаева въ Оренбургѣ или Казани и введя ее затѣмъ въ употребленіе въ училищахъ подвѣдомственнаго Вамъ управленія: она далеко удовлетворительнѣе однородныхъ съ нею учебниковъ, до сихъ поръ употребляющихся въ имперіи при обученіи татарскому языку, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходитъ даже „Сравнительный словарь турецко-татарскаго нарѣчія“ г-на Будагова, печатающійся нынѣ на счетъ Имп. С.-Петербургскаго университета.

Изложивъ, такимъ образомъ, мнѣніе мое по предмету, о которомъ Ваше Высокопревосходительство изволили спрашивать меня, пользуюсь настоящимъ случаемъ принести увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности, съ коими имѣю честь пребыть Вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою В. Григорьевъ.

С.-П.-Бургъ

23 декабря 1870 г.

Его Высоко—ству Н. А.
Крыжановскому.

P.S. При семъ честь имѣю возвратить и рукопись г-на Муштаева, препровожденную на мое усмотрѣніе ¹⁾).

Мы видимъ, что отзывъ болѣе чѣмъ лестный, что трудъ Муштаева, по мнѣнію такого знатока, какъ В. Григорьевъ, вполне заслуживалъ изданія. Заподозрить В. Григорьева въ предвзятости мнѣнія, въ желаніи сдѣлать пріятное генералу Крыжановскому у насъ нѣтъ никакихъ основаній — указываемъ на это могущее возникнуть предположеніе вслѣдствіе нижеприводимаго отзыва министра народнаго просвѣщенія.

Издать этотъ словарь на мѣстныя средства Крыжановскій не пожелалъ—у Крыжановскаго въ это время складывался взглядъ на просвѣщеніе инородцевъ совершенно иной ²⁾, и потому Крыжановскій отослалъ рукопись Муштаева въ министерство народнаго просвѣщенія.

¹⁾ Дѣло отъ 7 марта 1869 г., стр. 16 и 17.

²⁾ Взглядъ на изученіе татарскаго языка въ Оренбургскомъ краѣ генерала Крыжановскаго чрезвычайно любопытенъ. Мы уже опубликовали часть интересныхъ матеріаловъ по этому поводу въ мѣстной прессѣ (Вѣстникъ Уфы), и намѣрены закончить означенное опубликованіе, изложивъ исторію открытія русско-татарской школы въ Уфѣ.

Отзывъ министра народнаго просвѣщенія — а таковымъ въ то время былъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой — долженъ былъ поразить генераль-губернатора — на столько онъ противорѣчилъ отзыву В. Григорьева. Министръ передалъ словарь, какъ сообщилъ въ письмѣ къ Крыжановскому, на разсмотрѣніе „свѣдущихъ ориенталистовъ“, по мнѣнію которыхъ недостатки словаря заключались въ слѣдующемъ: „въ этомъ словарѣ, носящемъ названіе татарскаго, османское турецкое нарѣчіе соединено съ татарскимъ, оренбургско-казанскимъ, имѣющимъ съ первымъ весьма отдаленныя связи. Отъ этого произошло, что въ немъ не обозначено различіе османскихъ словъ отъ татарскихъ; османскій отдѣлъ не заключаетъ въ себѣ и собою доли того лексикографическаго богатства, которымъ обладаетъ османское нарѣчіе, татарскій отдѣлъ въ свою очередь не ололъ, упущенъ изъ виду джагатанскій языкъ, безъ знанія котораго неумѣстно даже поверхностное знакомство съ обоими упомянутыми нарѣчіями и, наконецъ, вслѣдствіе незнанія основательно по-османски, весьма слабо разработанъ османскій отдѣлъ“.

Получивъ такой отзывъ, министръ народнаго просвѣщенія, понятно, отказался печатать словарь на средства министерства.

Небезынтересно сравнить эти два отзыва — къ сожалѣнію, въ отвѣтѣ графа Д. Толстого не сказано, кто былъ рецензентомъ — не тотъ ли самый Будаговъ, о которомъ не совсѣмъ лестно отзывался В. Григорьевъ — не забудемъ, что Крыжановскій отправилъ рукопись Муштаева съ подлинникомъ письма Григорьева. Отзывъ министерства безусловно полемизируетъ съ письмомъ В. Григорьева — въ письмѣ Григорьева говорится „о десятой долѣ тѣхъ порученій, которыя даются Григорьеву“ — въ отзывѣ появляется выраженіе „сотая доля“; Григорьевъ изумляется объясненію словъ, отзывъ министерства подчеркиваетъ незнакомство составителя словаря съ османскимъ языкомъ. Вообще отзывъ министерства производитъ впечатлѣніе предвзятости, односторонности. Словарь былъ назначенъ для Оренбургскаго края, какъ практическое руководство — министерскій отзывъ критикуетъ его, какъ ученый трудъ — В. Григорьевъ именно подчеркивалъ практическую сторону словаря.

Во время этой переписки вдова Муштаева послала еще одно прошеніе, въ которомъ, указывая, что она живетъ въ Бузулукѣ, просила уже не о напечатаніи или о приобрѣтеніи труда ея мужа, а просто дать ей что-нибудь на бѣдность. Крыжановскій, получивъ такой отзывъ министра, распорядился послать Муштаевой отказъ въ ея просьбѣ вмѣстѣ съ рукописью мужа черезъ полицію на мѣстожительство въ Бузулукъ.

Въ 1872 г. 31 января Муштаева снова обращается къ Крыжа-

новскому, указывая, что такъ какъ въ Бузулукѣ она прожила слишкомъ недолго, то полиція и не успѣла вернуть ей рукопись мужа.

Канцелярія генераль-губернатора стала наводить справки и 8 марта 1872 г. получила въ отвѣтъ извѣщеніе отъ Бузулукскаго уѣзднаго полицейскаго управленія, что 5 сентября 1871 г. въ Бузулукѣ былъ пожаръ, архивъ полицейскаго управленія сгорѣлъ и, очевидно, сгорѣла и рукопись словаря...

Такъ бесплодно погибъ интересный трудъ одного изъ мѣстныхъ работниковъ.

П. Столпянскій.

